

ПОЧТИ-300-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЧТИ-НАУКИ (ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В ФИНАНСОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)¹

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра
Академии управления МВД России,
e-mail: latov@mail.ru*

ALMOST 300 YEARS OF RUSSIAN ECONOMIC ALMOST-SCIENCE (REVIEW OF CONFERENCE IN FINANCIAL UNIVERSITY)

LATOV YURI, V.,

*Doctor of Social Sciences, Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor,
Leading Researcher of Research Center,
The Academy of Management of the Interior Ministry of Russia,
e-mail: latov@mail.ru*

Крестьянина-предпринимателя Ивана Тихоновича Посошкова (1652-1726) часто называют первым российским экономистом. Для этого есть серьезные основания: его трактат «Книга о скудости и богатстве» можно считать первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным более или менее комплексному анализу социально-экономических проблем: торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т.д. Поэтому 24 февраля 1724 г. (именно этой датой И. Т. Посошков подписал свою книгу) российские экономисты имеют право считать датой рождения отечественной экономической науки и отмечать в феврале 2014 г. 290-летие рождения отечественной экономической науки.

Именно это они и сделали – на научной конференции «На заре российской экономической мысли (к 290-летию «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова)», прошедшей в Финансовом университете при Правительстве РФ 26-27 февраля 2014 г.² Хотя юбилей был не очень круглым, конференция собрала около 50 участников не только из Москвы, но и из других городов России (Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Кемерово и др.).

Анализ «Книги о скудости и богатстве» и судьбы ее автора выводит на обсуждение общих проблем институционального развития российской экономики, поскольку отражает противоречия и проблемы не только петровских реформ, но и всей почти 400-летней очень непростой истории модернизации российского общества.

Действительно, становление экономической науки – одно из институциональных условий модернизации докапиталистических обществ. Именно экономическая наука дает индустриальному обществу новую идеологию и новые подходы к решению практических проблем выработки «правил игры».

¹ При написании данного обзора использовались отчеты руководителей секций конференции.

² Данная конференция является уже II-ой международной научно-практической конференцией цикла «Великие экономисты и великие реформы». I-ая конференция этого цикла «Кризисы, реформы, революции» проводилась в октябре 2013 г. и была посвящена 80-летию реформ Ф.Д. Рузвельта в США.

А когда и как родилась экономическая наука в России? Ответ на этот вопрос, мягко говоря, непросто, поскольку это рождение сильно «размыто» во времени.

Как известно, уже во времена молодого Александра Пушкина в России появились собственные свежестуденческие «экономы», которые могли учёно рассуждать, «как государство богатеет». Правда, не надо путать экономику как учебную дисциплину и экономику как полноценную науку. Обучение «экономии политической» началось в России с 1801 г. с чтения Христианом Шлёцером курса политической экономии в Московском университете. Однако профессиональные ученые-экономисты, работающие на уровне современной им мировой науки, появились в нашей стране не раньше чем еще через полвека, во времена И. К. Бабста, А. И. Чупрова и Н. Ф. Даниельсона. Еще чуть позже, во времена М. И. Туган-Барановского, российская экономическая наука стала (правда, ненадолго) уже вполне полноценным элементом международного «ансамбля» экономистов-новаторов.

Итак, последняя треть XIX века – это завершение становления российской экономической науки. А где же ее начало?

В «конкурсе» на звание «первого российского экономиста» у Ивана Посошкова немало конкурентов.

В принципе, начало обсуждения «политэкономических» проблем России можно отсчитывать с дискуссий иосифлян и нестяжателей о церковном землевладении в первой половине XVI века. Увы, хотя тема той дискуссии была вполне экономической, участники «прений» использовали в основном конфессиональные аргументы, к тому же информация о той дискуссии слишком лаконична. Поэтому канонизированных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского лучше считать своего рода «святыми покровителями» российской экономической науки, но не ее родоначальниками.

В качестве ближайшего предшественника Ивана Посошкова можно назвать Ивана Пересветова, публициста времен Ивана Грозного. Судьбы этих двух мыслителей напоминают две вариации на одну тему с разрывом почти в 200 лет. Оба писали челобитные-трактаты для царя-батюшки в надежде, что он последует их добрым советам и сделает самодержавную власть еще самодержавнее. Оба стремились реформировать всё на свете – не только экономику страны, но и ее судебную систему и даже военные приёмы. Оба с интересом смотрели на опыт Турции: как Пересветов жаждал ввести в Россию «правду турецкую», так и Посошков возлагал надежды на перевод «турецкого судейника». Оба, видимо, в результате своих попыток «учить» царей плохо кончили. Книги обоих мыслителей оказались похоронены в государственных архивах и «выплыли» почти одновременно лишь в начале XIX века. У Ивана Посошкова, однако, в «соревновании» с Иваном Пересветовым за звание «первого российского экономиста» есть, как минимум, одно явное преимущество: он написал гораздо больше. Поэтому в его энциклопедической «Книге о скудости и богатстве» можно найти и гораздо больше экономических сюжетов, чем в Большой челобитной Пересветова.

У Посошкова есть еще один предшественник-«конкурент» – живший на полвека раньше Юрий Крижанич, автор тоже вполне энциклопедической «Политики» (1660-е гг.), где затрагивается примерно тот же круг вопросов, что и в «Книге о скудости и богатстве». Если Посошков западно-европейскую культуру отвергал с порога (по принципу «не читал, но осуждаю»), то Крижанич был вполне европейски-образованным интеллектуалом. Увы, хотя Крижанича постоянно «приписывают» к российской экономической мысли, все понимают, что он там находится «на птичьих правах». Иностранец-хорват, да еще и «агент Ватикана» вряд ли может рассматриваться не только как основоположник, но даже как полноправный участник экономической мысли «Святой Руси». По крайней мере, в наши дни.

Конкуренцию Посошкову могли бы составить многочисленные русские дворянские публицисты XVIII в., от Василия Татищева до членов Вольного экономического общества. Но в историю российской экономической науки этих

мыслителей пропускают неохотно за слишком прикладной характер их работ.

Таким образом, в «соревновании» за звание «первого российского экономиста» Посошков определенно побеждает, хотя и не за «явным преимуществом», а скорее «по очкам». Все понимают, что в сравнении с современными ему западно-европейскими экономистами (типа, скажем, Вильяма Петти) Иван Посошков смотрится не очень выигрышно – хотя бы в силу более низкого культурного багажа. Это отчетливо проявляется не только в содержании, но и в стилистике «Книги о скудости и богатстве», которая вряд ли может похвастаться строгой научной логикой. В трудах «первого российского экономиста» новорожденная российская экономическая наука выглядит как-то слишком «посконно и домотканно» – как еще не-совсем-наука, как почти-наука. В такой ситуации многое списывается на «самобытность» первого российского экономиста, в результате нужда приобретает гордые черты добродетели.

Бросающаяся в глаза «самобытность» Посошкова ставит перед «посошковедами» нелегкий вопрос: к какой экономической школе его отнести? Еще в XIX веке стало принято считать его меркантилистом. Ведь поскольку Посошков явно не классик (с его-то дифирамбами в адрес всемогущей государственной власти), то он может быть только меркантилистом, других современных ему экономических направлений просто нет. В наши дни получило распространение другое решение этой старой проблемы – более оригинальное, но, пожалуй, менее корректное. Во всезнающей Википедии можно прочитать: «И. Т. Посошков был первым последовательным институционалистом в истории экономических учений». Следуя этой логике, наш Посошков «опередил» американского Веблена почти на 200 лет. Определенное рациональное зерно в таком суждении есть: Посошков действительно во многом похож на таких отечественных институционалистов, как Ю. М. Осипов, хотя и далек от институционалистов типа А. А. Аузана.

Во время февральской конференции в Финансовом университете вопрос «Кто Вы, Иван Посошков?» постоянно витал в воздухе, провоцируя дискуссии. Приведу лишь некоторые суждения, прозвучавшие на конференции.

Конечно, на конференции звучали выступления, авторы которых привычно относили И. Т. Посошкова к меркантилистам. Например, в выступлении к.э.н. *Г. В. Будкевич* (Финансовый университет) указывалось, что если попробовать дать общую характеристику экономическим воззрениям Посошкова, то его следует считать одновременно и меркантилистом, и первым российским институционалистом. Заслуги И. Т. Посошкова не снижает тот факт, что он обосновывал свои умозаключения в пределах духа той эпохи, в которой жил; посошковское понимание основных направлений государственной экономической политики актуально и для современной России. Аналогичную точку зрения на «меркантилистские основания творческого наследия И. Т. Посошкова» высказал, например, д.э.н. *Я. С. Ядгаров* (Финансовый университет). Несколько иначе сформулировал свою точку зрения д.э.н. *Е. П. Дятел* (Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина): по его мнению, Посошкова хотя и можно называть меркантилистом, но его взгляды ближе всего к камералистике – полидисциплинарной (по современным представлениям) науке о государственном управлении обществом в целом и хозяйством в частности.

Чаще всего на конференции, однако, звучали оценки, связанные с критикой точки зрения о меркантилизме Посошкова.

Сильное впечатление на участников конференции произвело, в частности, пленарное выступление д.э.н. *Р. М. Нуреева* (Финансовый университет). Он указывал, что хотя многие стремятся найти, в чем Посошков опередил современных ему европейских экономистов, есть смысл обратить внимание на то, в чем он от них отставал. По мнению докладчика, «Книга о скудости и богатстве» во многом является своеобразным памятником «государевой литературы» - типичной для стран древнего и средневекового Востока традиции предписывать «государю», как ему организовать систему власти-собственности, пресекая преступный частный интерес. При таком подходе Посошков объективно оказывается не ранним предшественником американского Веблена, а скорее поздним эпигоном какого-нибудь индийского

Каутильи или китайского Шан Яна. Конечно, этот вывод, по мнению докладчика, надо делать осторожно, не стремясь насильно переодеть Посошкова из европейски-меркантилистского камзола в китайский халат. Как двуглавый орёл российского герба смотрит одновременно на Запад и Восток, так и ее многие российские мыслители обладали двойственностью, соединяя западные и восточные идеологемы.

Другой новаторский подход на пленарном заседании предложил д.э.н. *Г. Д. Гловели* (НИУ ВШЭ). Он справедливо указал, что многие странности во взглядах Посошкова – отражение «странного» положения России петровского времени в капиталистической мир-системе. Петр Великий Россию «поднял на дыбы» и «кавалерийской атакой» заставил Европу признать ее сильным участником «европейского оркестра». В результате полупериферийная империя, какой стала Россия, параллельно строила капитализм и самодержавную власть, которые с самого начала оказались в странном симбиозе, одновременно подпитывая и удушая друг друга. Отсюда – странное соседство у Посошкова призывов одновременно к честному судопроизводству и к царскому всевластию, к стимулированию торговли и к мелочной регламентации хозяйства.

Д.э.н. *О. А. Николайчук* (Финансовый университет) выдвинула иной тезис – о Посошкове можно говорить как об основоположнике «идейной политической экономии». По ее мнению, современное поколение российских ученых по-прежнему стоит перед вызовом, содержащимся еще в том самом первом отечественном экономическом труде. Он состоит в том, чтобы дать современное фундаментальное научно аргументированное описание экономической российской системы. Необходима такая теория, которая одновременно позволяет видеть и специфику нашего хозяйственного устройства, и проявление в этой специфике общих экономических законов, когда конкретная страна – в данном случае Россия – является частным случаем проявления общих закономерностей. Взгляды *И. Т. Посошкова*, по ее мнению, заслуживают особого внимания, поскольку автор сумел возвыситься до идеи, что богатство государства немислимо без народного богатства. А предложения *И. Т. Посошкова* в решении аграрного вопроса опередили фактическое его решение почти ровно на 200 лет: автор «Книги о скудости и богатстве» предлагал наделить крестьян землей по праву владения, что и произошло во время «черного передела» в 1917-1918 гг.

Во время конференции была предложена еще одна любопытная «формула» ответа на вопрос о классификации взглядов *И. Т. Посошкова*. Когда во время пленарного заседания д.э.н. *Д. Н. Платонова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) спросили, так к какому же направлению относится этот странный Посошков, вопрошаемый улыбнулся и ответил – «К русскому!». «Русское направление» – это, конечно, скорее указание на путь к ответу, чем сам ответ. Отсылки на «русский дух» указывают на специфику, но не объясняют, насколько она велика (настолько ли, что русские экономисты абсолютно ни с кем не сопоставимы?) и каковы ее причины. Тем не менее, такой подход получил на конференции поддержку в ряде выступлений. Например, доклад д.э.н. *Т. Н. Юдиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «О скудости и богатстве современной хозяйственно-экономической мысли и науки в контексте «Книги о скудости и богатстве» *И. Т. Посошкова*» был последовательно выдержан в русле «национальной школы экономической мысли». *Т. Н. Юдина* дала развернутую характеристику *И. Т. Посошкова* как основоположника «национально-вселенской» традиции экономической мысли, продолжателем которой являются представители современной отечественной «философии хозяйства», доказывающие, что «правда является клеточкой хозяйственной системы». Быть может, и есть в этом какая-то сермяжная правда...

Очень интересный подход предложил д.э.н. *А. Д. Леванов* (Кемеровский государственный университет) в докладе «Литературно-публицистическая культура как форма экономической мысли России». Он обратил внимание на то, что кроме собственно экономической теории есть и такая любопытная разновидность экономической мысли как литературно-публицистические произведения, априори рассчитанные не на «ученых мужей», а на обычных людей. В таком случае «Книгу о

скудости и богатстве» (1724) Посошкова надо сопоставлять не с «Богатством народов» (1776) А. Смита, а, скажем, с «Басней о пчелах» (1705) Б. Мандевилля или с «Письмами суконщика» (1724-1725) Д. Свифта. Тем самым докладчик признал пограничное положение Посошкова в истории науки – он, как Мандевилль, одновременно и экономист, и не-совсем-экономист. Невольно вспоминаешь, что и в современной российской экономической мысли немалую роль играет именно публицистика (вспомним, например, комментарии Г. Х. Попова к «Новому назначению» А. Бека, или многочисленные публицистические работы А. А. Аузана). Быть может, не только почти 300 лет назад, но и в наши дни в России экономическая наука остается не-совсем-наукой?

Участники конференции уделили большое внимание общему контексту восприятия трудов И. Т. Посошкова. Так, в докладе к.э.н. *В. В. Остроумова* (Финансовый университет) был дан интересный сравнительный анализ оценочных суждений, связанных с осмыслением места и роли экономического учения Посошкова. На примере наиболее авторитетных научных и учебных изданий советского периода докладчик обосновал, что на всем протяжении этого периода оценки «Книги о скудости и богатстве» сводились к преимущественно идеологизированным классово-формационным постулатам. Наиболее «выдающуюся» роль в этом сыграл Б. Б. Кафенгауза, сообразуясь с мнением которого советские «посошковеды» излагали практически одни и те же «положительные» и «критические» оценочные суждения о творчестве И. Т. Посошкова, неизменно относя его к числу выразителей «классовых интересов купечества». Интересные же «классовые интересы» были у российских купцов XVIII века, если их «выразитель» требовал государственной регламентации рыночных цен и строгих наказаний за отступление от них! Большой интерес у участников конференции в этой связи вызвало выступление д.э.н. *Д. Д. Широкограда* (СПбГУ), посвященный тому, как воспринимают Посошкова зарубежные обществоведы.

Существенное внимание на конференции уделялось также другим представителям начального этапа развития российской экономической науки – тем, кого можно назвать если не последователями Посошкова (кажется, до 1840-х гг. одному лишь М. Ломоносову удалось ознакомиться с «потаенной» «Книгой о скудости и богатстве»), то, по крайней мере, его «единочаятелями». Речь идет о российских мыслителях XVIII века, которые тоже пытались совместить выработку рецептов «оздоровления» российской экономики с защитой ее самобытности (в которую включаются и православие, и самодержавие, и своеобразная народность). По мнению к.э.н. *Е. Н. Калмычковой* (МГУ им. М. В. Ломоносова), утрированный практицизм работ членов Вольного экономического общества и близких к нему мыслителей (вплоть до М. Ломоносова) – отнюдь не случайность. Большинство российских ученых XVIII – начала XIX веков сосредоточилось на проведении именно сугубо прикладных экономических исследований, поскольку они не подрывали традиционных ориентиров духовной жизни российского дворянства. Напротив, абстрактная «философия» политической экономии, тесно связанная с либеральной идеологией, рассматривалась ими как чуждая российской культуре и игнорировалась либо критиковалась. В результате становление российской экономической науки происходило не одновременно с промышленной революцией (как в Англии), а с большим запозданием. Политическая экономия смогла в какой-то степени стать в России новым способом осмысления и решения конкретных проблем, но так и не смогла (по крайней мере, до конца XIX в.) стать новой идеологией.

Таким образом, во время дискуссии в Финансовом университете об экономических взглядах Ивана Тихоновича Посошкова был высказан необычайно широкий спектр ответов на вопрос, к какой же экономической школе следует его относить. Вот перечень основных прозвучавших точек зрения, условно проранжированных по степени радикализма:

1) Посошков – «продвинутый» меркантилист (в статьях данного номера «Журнала институциональных исследований» эта позиция выражена у Г. В. Будкевич и отчасти в статье Е. П. Дятла и Э. Р. Гатиной, на конференции об этом

говорил также Я. С. Ядгаров);

2) Посошков – меркантилистский мыслитель из аномального (периферийного) региона Европы (позиция Г. Д. Гловели);

3) Посошков – камералист (точка зрения Е. П. Дятла и Э. Р. Гатиной);

4) Посошков – представитель российской экономической традиции, представители которой охотно воспринимали только прикладные идеи западной экономической науки, отвергая ее теоретические и философские принципы (позиция Е. Н. Калмычковой);

5) Посошков – институционалист (эта идея звучит у Г. В. Будкевич);

6) Посошков – представитель литературно-публицистической традиции экономической мысли (точка зрения А. Д. Леванова);

7) Посошков – представитель не вполне четко определяемой, но явно резко отличной от западной мысли «русской школы» (на конференции эту позицию озвучили Д. Н. Платонов и Т. Н. Юдина, точка зрения О. А. Николайчук близка к ней);

8) Посошков – представитель не только западной, но и восточной традиции экономической мысли – традиции «государевой литературы» (данная точка зрения выражена Р. М. Нуреевым).

Из других точек зрения на «посошковизм», которые высказывались в научной литературе, но активно не звучали на конференции в Финансовом университете, следует вспомнить сопоставление идей Посошкова с классической политической экономией. Утверждение, что Посошков во многом стоит на уровне ранних экономистов-классиков обосновывают тем, что автор «Книги о скудости и богатстве» считал богатством (подобно Вильяму Петти) не только деньги и материальные ценности, но также и людей.

В заключение обзора дискуссии о Посошкове автор рискнет предложить собственную, еще более радикальную, точку зрения на этот головоломный вопрос.

Из перечисления позиций участников дискуссии видна явная растерянность специалистов по истории экономических учений, которые видят ярчайшую специфичность взглядов Ивана Посошкова и теряются в попытках найти для нее подходящий «ярлык». Видимо, есть смысл попытаться выйти из замкнутого круга перебора школ и традиций экономической науки, отдельные признаки которых можно найти в «Книге о скудости и богатстве».

А что если Посошков вообще не принадлежит ни к одной экономической школе?

На наиболее креативный, по нашему мнению, подход к пониманию «посошковизма» справедливо указал А. Д. Леванов, начав свою статью, публикуемую в данном номере журнала, с утверждения, что «научное экономическое знание не является единственной формой отражения экономических закономерностей».

Действительно, в любом курсе по истории экономической мысли изложение начинается с экономических идей «Законов Хаммурапи», Библии и т.д. Однако затем, начиная с изложения событий нового времени, интерес авторов учебников к экономическим идеям, выраженным в правовых кодексах и религиозных предписаниях, совершенно пропадает. Такое «выпадение» правовых норм и религиозных предписаний из числа памятников экономической мысли объясняют (точнее, подразумевают объяснять) тем, что по мере развития более «высоких» форм экономических знаний (т.е. научных экономических теорий) более «низкие» формы теряют самостоятельное значение.

Хуже всего в истории экономической мысли отражены элементы самого нижнего «этажа» системы экономических знаний – обыденных экономических взглядов обычных (не-ученых) людей. Термин «культура безмолвствующего большинства» был предложен А. Я. Гуревичем для обозначения ментальности простых людей эпохи средневековья – чаще всего неграмотных, но, тем не менее, имеющих определенные представления об окружающем мире («картину мира»). Данное понятие часто истолковывается более широко: им пользуются для обозначения всех массовых не-элитных групп населения, мнения которых формируются в результате жизненного опыта, а не ученых занятий, и не находят

прямого выражения в письменной культуре. Эта простонародная ментальность активно изучается антропологами (представителями экономической и исторической антропологии) и редко привлекает внимание историков экономической мысли. В результате, например, для объяснения «черного передела» и последующего огосударствления земли в России после 1917 г. всегда вспоминают партийные программы эсеров и большевиков, но заметно реже – обычное право крестьян и вообще «народные» представления о правах собственности.

Изучение «простонародных» (обыденных) представлений о хозяйственной жизни затруднено слабостью или даже отсутствием источников. Чтение «Книги о скудости и богатстве», на наш взгляд, – это уникальный шанс услышать голос российского «безмолвствующего большинства» почти 300-летней давности.

Конечно, взгляд на «Книгу о скудости и богатстве» как на выражение «простонародных» суждений и мнений требует определенных оговорок. Трудно точно сказать, в какой степени Посошков писал о том, в чем он был солидарен со своим социальным окружением, а в какой степени выражал лично свои суждения. Сопоставление взглядов Посошкова с тем, что известно о мировоззрении русских крестьян нового времени, вполне подтверждает гипотезу о «простонародности»: перед нами типичное сочетание веры во всецелую царскую власть («У нас не вес имеет силу, но царская воля») с очень критической оценкой конкретных действий царской администрации («плохих дворян»). Таких «простецов», которые ненавидят государственных бюрократов, но обожают верховного правителя (царя, Государственного секретаря партии, президента...), много и в современной России.

Уникальность «Книги о скудости и богатстве», которой трудно найти близкие аналоги, согласно нашей гипотезе, во многом объясняется уникальностью петровской эпохи – в частности, противоречивым сочетанием авторитаризма и демократизма царя-плотника. В странах Запада и Востока было много подобных Посошкову умствующих (и даже пишущих) «выходцев из народа». Однако никому из них не приходило в голову написать и преподнести императору, королю или султану поучение, как им надо приумножать государственное благосостояние, поскольку «до бога высоко, до царя далеко». Там трактаты на социально-экономические темы писались учеными представителями элиты – людьми типа визирия Низама аль-Мулька, автора «Сиасет-намэ», или лейб-медика короля Франции Франсуа Кенэ, автора «Экономической таблицы». Лишь в России начала XVIII века на короткий срок возникла парадоксальная ситуация, когда талантливый простолюдин мог надеяться лично встретиться с «царем-батюшкой» (известно, например, что Посошков в 1700 г. лично докладывал Петру I об одном из своих изобретений для нужд армии) и изложить ему свои чаяния. В результате «Книга о скудости и богатстве» является, видимо, единственным в мире образцом комплексного изложения простонародных взглядов на то, «как государство богатеет».

Если оправдана гипотеза «простонародности» взглядов И. Т. Посошкова, то вопрос о том, к какой экономической школе его отнести, автоматически снимается: у «народной мудрости» школ нет. Интерпретация «посошковизма» как голоса «безмолвствующего большинства» в принципе сохраняет за Посошковым статус первого русского экономиста, однако выводит его за границы российской экономической науки. Основоположником российской экономической науки в собственном смысле слова в таком случае следует считать либо М. В. Ломоносова (см. по этому поводу в данном номере журнала статью *М. А. Рогачевской*), либо кого-либо из ученых поколения И. К. Бабста, А. И. Чупрова и Н. Ф. Даниельсона. Впрочем, в той мере, в какой современная российская экономическая наука сохраняет многие неакадемические «правила игры» (например, публицистически-морализаторский стиль, превалирование нормативного анализа над позитивным), Посошков сохраняет право считаться если не ее основоположником, то, по крайней мере, предтечей.

Итак, кто Вы, Иван Посошков? Читатель нашего журнала, знакомясь со статьями участников февральской конференции в Финансовом университете, может теперь сам попытаться найти ответ на этот запутанный вопрос, согласившись с одним из авторов или не согласившись ни с одним из них.